

Научная статья
УДК 82.091+821.161
doi: 10.17223/24099554/23/3

«Дерпт в моей судьбе играет значительную роль...»: В.А. Жуковский в дерптском учено-литературном кругу (1815–1819)

Иван Олегович Волков

Томский государственный университет, Томск, Россия, wolkoviv@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена рецепции личности и творчества В.А. Жуковского в кругу ученых и литераторов Дерпта в 1815–1819 гг. С привлечением новых архивных материалов описываются особенности дружеских отношений поэта в дерптской среде (с М. Асмусом, К. Петерсенем, А. Вейраухом, Т. фон Боком). Делается вывод о важности и преимущественном характере эстетического аспекта в диалоге В.А. Жуковского с местными литераторами, проявившего себя в их письмах и стихотворных посланиях.

Ключевые слова: литературная репутация, русская литература, В.А. Жуковский, Дерпт, учено-литературный круг, Дерптский университет, переписка, поэтические послания

Источник финансирования: Исследование проведено в Томском государственном университете в рамках проекта Российского научного фонда № 24-18-00386 «История русской литературной критики первой половины XIX века: В.А. Жуковский в прижизненной критической рецепции».

Для цитирования: Волков И.О. «Дерпт в моей судьбе играет значительную роль...»: В.А. Жуковский в дерптском учено-литературном кругу (1815–1819) // Имагология и компаративистика. 2025. № 23. С. 52–78. doi: 10.17223/24099554/23/3

Original article

doi: 10.17223/24099554/23/3

“Dorpat has a big role in my destiny...”: Vasily Zhukovsky in the Dorpat academic and literary coterie (1815–1819)

Ivan O. Volkov

Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, volkoviv@gmail.com

Abstract. The article studies Vassily A. Zhukovsky’s creative persona and its role in the Dorpat (modern Tartu) academic and scholarly coterie in 1815–1819. On the one hand, the analysis is based on the information about Zhukovsky’s life in Dorpat, a university city in Livonia: Sergey G. Isakov and Malle G. Salupere provided a broad overview of Zhukovsky’s acquaintances and interactions with the Dorpat intelligentsia, thus elucidating the key points of convergence between Zhukovsky and pivotal figures in the academia and cultural community. On the other hand, the author draws on the previously unstudied archival materials to specify the formats of the amicable relationships in Dorpat in 1815–1819. The fragments of the epistolary, published for the first time, including the letters to Zhukovsky from Evgeniya and Mariya Protasovas, August Weihrauch and his family, Timotheus von Bock, Johann Philipp Gustav von Ewers, Johann Parrot, demonstrate the intimate and lyrical nature of the relations, showing that Zhukovsky was quickly and heartily welcomed by the enlightened residents of Dorpat as a close and kindred person, a subtle thinker, and a keen feeler. The poetic messages to Zhukovsky from Georg Friedrich Parrot and Martin Asmuss emphasize the importance and advantage of aesthetic dialogue. In the changing poetic picture, Zhukovsky appears as an extraordinary personality, who is endowed with poetic inspiration from above and who, by his very nature, possesses a unique creative power of beauty and goodness. These two qualities are revealed and cognized precisely in a pure and sincere friendly feeling, equal to love. The author studies the principles of inclusion of Zhukovsky’s life and work in the two-volume anthology of Russian poetry and folk songs of the 18th–19th centuries, compiled in the early 1820s by Karl Borg. The eleven translations of different genres with a brief biographical essay highlight the high quality of Zhukovsky’s entire creative legacy. Zhukovsky’s aesthetic image is characterised by a synthesis of ideality and harmony, morality and beauty.

Keywords: literary reputation, Russian literature, Vasily Zhukovsky, Dorpat, academic and literary coterie, University of Dorpat, correspondence, poetic messages

Financial support: The study was conducted at Tomsk State University and supported by the Russian Science Foundation, Project No. 24-18-00386: History of Russian Literary Criticism of the First Half of the 19th Century: Vasily Zhukovsky in Lifetime Critical Reception.

For citation: Volkov, I.O. (2025) “Dorpat has a big role in my destiny...”: Vasily Zhukovsky in the Dorpat academic and literary coterie (1815–1819). *Imagologiya i komparativistika – Imagology and Comparative Studies*. 23. pp. 52–78. (In Russian). doi: 10.17223/24099554/23/3

Город Дерпт возник на горизонте жизненного пространства В.А. Жуковского в 1814 г. – в то время, когда А.Ф. Воейков решил хлопотать в Петербурге о своем назначении на должность ординарного профессора русского языка и литературы в Дерптском университете. Пока женитьба Воейкова на А.А. Протасовой казалась поэту чем-то мало возможным, он ранее даже сам пытался через А.И. Тургенева способствовать предоставлению места, которое освободилось после смерти А.С. Кайсарова (1782–1813). Однако после того, как притязания Воейкова на семью Протасовых делаются направленными и определенными, Жуковский становится противником возможного назначения, а просьбы его по этому поводу носят уже отрицательный характер: «употребить все усилия, чтобы ему не давали кафедры» [1. Т. 15. С. 210]. Самого Воейкова он старается отговорить, представляя его академические искания как совершенно лишние и чуждые:

Об Дерпте *подумай* – и только. Здесь все против Дерпта и ждут *тебя*, а не надворного советника; желают, чтобы ты думал об *одном* решительно, а не колебался, как ты делаешь. Профессорство для тебя теперь не нужно [1. Т. 15. С. 204] (Здесь и далее курсив автора. – *И.В.*).

Дерпт тогда начинает мыслиться Жуковским как нечто опасное и роковое, способное не просто отдалить от любимого существа – Маши Протасовой, но навсегда с ним разлучить и покончить с еще теплящейся надеждой на брак. А после назначения даты свадьбы и объявления об отъезде Воейковых и Протасовых уездный город Лифляндской губернии в его сознании обретает свою суровую материальность, оказывается местом трагического разъединения: «Мы расстаемся – и всему конец» [1. Т. 15. С. 236].

Преодолевая опасность разлуки, Жуковский с позволения Е.А. Протасовой решается ехать вслед за родными, и в этом путешествии и возможном переселении Дерпт все так же не имеет для него никакого особенного смысла, город в перспективе и ожидании поэта сужен до семейного уголка, рядом с которым им очерчивается собственное страдающее, едва утешаемое существование: «От дерптской жизни не жду ни счастья, ни покоя. Надобно иметь подле себя другие характеры, чтобы иметь и то и другое. Но все заменится милым *вместе*» [1. Т. 15. С. 298]. С.Г. Исаков писал, что еще до отъезда из Белева и Долбина Жуковский в конце 1814 г. «составил план своих будущих занятий» и «уже мечтал об университетской библиотеке» [2. С. 164]. Фактически это не подтверждается хронологией развития событий, а логически – представлениями самого поэта. Перед самым отъездом, 4 марта 1815 г., поэт действительно напишет А.И. Тургеневу о возможном воплощении замысла поэмы при пользовании необходимыми источниками: «Жизнь дерптская, дерптская библиотека, все это создаст “Владимира”» [1. Т. 15. С. 314], но здесь он лишь повторяет недавние слова Н.И. Тургенева, бывшего в городе проездом в 1813 г. и отметившего (вероятно, не только) в дневнике: здесь «можно, кажется, жить довольно приятно, занимаясь библиотекой и обществом некоторых профессоров» [3. С. 226]. То есть Жуковский не в Дерпт ехал работать, избирая его необходимым источником своих занятий, а вынужденно в Дерпт вез с собой то, что было уже задумано и начато, ждало реализации и продолжения: «И в Дерпте все кончу» [1. Т. 15. С. 290].

Однако по приезде, осмотревшись, Жуковский нашел здесь ту атмосферу и ту обстановку, что благотворно располагали бы к литературному труду и составляли бы всю сущность уединенной нерадостной жизни: «...уверен, что здесь работал бы я так, как нигде нельзя работать, – никакого рассеяния, тьма пособий и ни малейшей заботы о том, чем бы прожить день» [1. Т. 15. С. 319]. Существование в Дерпте у края (буквально – на чердаке) «чужого гнезда» с постепенным оставлением надежды на «счастливое вместе» получило, помимо привезенной с собой работы, и другой, возможно, неожиданный для самого Жуковского исход – на время своего пребывания в эстонском городе он стал чрезвычайно важной фигурой в кругу дерптского учено-литературного сообщества. Университетские профессора и одаренная интеллигенция, просвещенные горожане легко и надолго

сделали тридцатидвухлетнего поэта из России частью своего культурного и глубоко личного мира.

Жуковский приехал в Дерпт 16 марта 1815 г. и обнаружил, что его родные, обосновавшиеся здесь с начала года, вполне могут сделаться одним из очагов культурной жизни города, притягивая не только своей пришлостью. Семья Воейковых-Протасовых привлекла в свой дом университетскую интеллигенцию, в которую прежде формально вошел новоиспеченный дерптский профессор из России. К.К. Зейдлиц, будущий биограф поэта, в этом же году был зачислен в университет и имел возможность запечатлеть атмосферу и обстоятельства своего студенческого существования, с которой непосредственно соприкоснулся Жуковский. Он пишет о том, что молодой университет задавал особый ритм дерптской жизни и способствовал чрезвычайной солидарности науки и образования с укоровившейся бытностью провинции:

Zwischen Lehrern, Studirenden und Einwohnern der Stadt herrschte ein zwangloser, gemüthlicher Umgang; man kannte noch nicht den Formalismus, nicht den tiefen Sinn der Wissenschaft von Visitenmachen und Glacé-Handschuhen [4. S. 65]¹.

Зейдлиц отмечает органичность царившего в обществе настроения чаяниям Жуковского, чей чувственный мир в этот период проходил серьезное испытание. М.Г. Салупере совершенно справедливо ставит рядом веселый дружеский дух «Арзамаса» с вдохновенной учено-литературной средой Дерпта: «Посвященные ему стихотворения дерптских друзей и письма современников свидетельствуют, что поэт снискал всеобщую любовь» [5. С. 435]. Вероятно, можно пойти дальше и даже признать причинно-следственную связь между кружковой атмосферой эстонского города и будущим литературным обществом, которое получит начало уже в октябре 1815 г.

Круг дерптской интеллигенции, который очень быстро принял Жуковского и признал за своего, обладал тремя важнейшими характеристиками. Во-первых, он был тесно связан с университетом, как

¹ Между преподавателями, студентами и жителями города царило непринужденное, душевное общение; никто еще не знал формализма, глубокомысленной науки о нанесении визитов и лайковых перчатках (Здесь и далее перевод с немецкого наш. – И.В.).

это хорошо описывает тот же К. Зейдлиц, то есть именно ученые, профессора кафедр (не только гуманитарных, но и естественно-научных) задавали тон просветительской и гуманистической направленности общества. Во-вторых, он имел сильную эстетическую настроенность, стимулирующую индивидуальное и совместное поэтическое творчество, которое проявляло себя и в эпистолярной литературе. В-третьих, дерптское сообщество было объединено особой духовной связью, которая получила выражение настоящего братства, содружества близких, даже родственников по своему духу и нравственным устремлениям неравнодушных людей.

С.Г. Исаков и М.Г. Салупере в своих статьях выделили в дерптском сообществе ученую и литературную стороны соответственно. Опираясь на установленные ими по известным печатным источникам и еще не раскрытым архивным данным имена, можно наглядно представить круг наиболее близких знакомцев Жуковского следующим образом:

Ученые, профессора университета

Карл Моргенштерн (Johann Karl Simon Morgenstern, 1770–1852, филолог-германист, библиотекарь, профессор Дерптского университета.

Лоренц Эверс (Lorenz Ferdinand Ewers, 1742–1830), философ, профессор Дерптского университета.

Густав Петерсен (Georg Gustav Petersen, 1782–1839), юрист, лифляндский губернский прокурор.

Иоганн (Иван) Мойер (Johann Christian Moier, 1786–1858), медик, хирург, профессор и ректор Дерптского университета.

Фридрих Паррот (Johann Jakob Friedrich Wilhelm Parrot, 1791–1841), медик, естествоиспытатель, профессор и ректор Дерптского университета.

Литераторы, издатели, художники

Мартин Асмус (Johann Martin Asmuss, 1784–1844), педагог, основатель частной школы по системе Песталоцци, поэт и издатель, попечитель Дерптского университета.

Аугуст фон Вейраух (August Heinrich von Weugauch, 1788–1865), лектор немецкого языка в Дерптском университете, композитор, поэт.

Карл Петерсен (Carl Friedrich Petersen, 1875–1822), университетский библиотекарь, учитель немецкого языка, автор сатир.

Карл фон дер Борг (Carl Friedrich von der Borg, 1794–1848), юрист, директор университетской канцелярии, поэт, редактор и переводчик русской литературы.

Август Клара (August Philipp Klara, 1790–1850), художник, резчик и гравер, ученик рисовальной школы К. Зенфа в Дерптском университете.

Иоганн фон Эверс (Johann Philipp Gustav von Ewers, 1781–1830), историк, профессор и ректор Дерптского университета.

Тимотеус фон Бок (Timotheus Eberhard von Bock, 1787–1836), флигель-адъютант, слушатель университета, автор записки «о конституции», направленной Александру I.

Эдуард Ленц (Gottlieb Eduard Lenz, 1788–1829), богослов, профессор Дерптского университета.

Представленный список количественно отражает примерно треть из числа людей, бывших в непосредственном общении с Жуковским, и он показывает, что разделение на род профессиональной деятельности в общем было условным. Каждый из названных людей тем или иным образом принадлежал к университетской среде (многие являлись его выпускниками) и каждый же проявлял склонность или интерес к искусству. Это единство двух начал, одухотворенное знание, очевидно, стало одним из главных для Жуковского свойств дерптского сообщества, делавшее его привлекательным и притягательным и позволившее преодолеть формальности в большом и живом диалоге. О простоте обращения и легкости возникающей приязни зримо свидетельствуют письма Воейковых-Протасовых к Жуковскому, в которых они изображают постепенное расширение круга знакомых. Показательна в этом отношении фигура Г. Петерсена, которая появляется в коллективной эпистолярной к поэту уже в начале весны и почти всегда с прибавлением личного определения: «добрый наш Петерсен». Дерптский юрист оказывается тем, кто помогает приехавшим русским в удобном устройстве жилья и активно вводит их в лифляндскую среду. В письме от 16–17 мая 1815 г. Е.А. Протасова пишет об этом:

Еще познакомил нас наш добрый Петерсен с англичанином Elphinstone. Преинтересный человек, но жаль, что худо очень говорит по-французски, и совестно его расспрашивать о его вояжах. Добрый наш Петерсон также у нас часто, также об нас хлопочет, как и при тебе¹ [6. Л. 3 об.].

¹ Ср. в письме М.А. Протасовой от 16 мая 1815 г.: «Мы сделали еще приятное знакомство: Эльфинстон, приятель Петерсенов, приехал и был у нас три раза; он точно образчик нации своей: une tranquillité et une immobilité, imperturbables, et une raison qui perce a traveos tous ces mouvement. Но в следующие два раза он гораздо более познакомился и даже разговорился. Он едет сегодня в Англию для того, чтобы просить позволения войти в русскую службу» [7. Л. 3].

Последнее замечание – «как и при тебе» – говорит об уже сформировавшемся расположении дерптян (по выражению А.А. Воейковой) к Жуковскому, яркой иллюстрацией которого стали старания Петерсена. В свое первое, не слишком продолжительное пребывание в Дерпте поэт вызвал симпатию и смог заручиться поддержкой местных деятелей и даже направить их усилия в необходимое русло. Ученно-литературный круг, наблюдая за характером отношений между Жуковским и семейством, с которым он был связан не простыми родственными нитями, однозначно определил его их покровителем, зримым и сочувственным хранителем их счастья. Вхожие в своеобразный «салон» Е.А. Протасовой (сначала в доме Войековых, затем – Мойер) сознавали свою причастность и к самому поэту. Эта общность восприятия проявляет себя и в позднейших письмах к поэту, например, Ф. Паррот, когда пишет Жуковскому в начале марта 1832 г., говорит о своем особом уважении к совместным минутам, проводимым поэтом рядом с «любезной и достопочтенной матушкой и несравненной Марией» [8] и своем желании не нарушать это сокровенное «вместе». В отношении сложившегося единства характерно также писание дерптцами коллективных писем Жуковскому, которые имеют нравственно-психологическую доминанту, во многом схожую с той, что заявлена в известных совместных посланиях семейства Протасовых. Одно из таких писем сохранилось, оно – от 12 ноября 1817 г. – начато Т. Боком, помечено его женой, продолжено, вероятно, А. Вейраухом и закончено Г. Эверсом. Главный же мотив «лоскутного» эпистолярия, проходящий через краткое изложение обстоятельств жизни и сцепляющий кусочки вместе, – заверение в памяти и дружбе, не без ностальгии. Без потребности в дополнительном или поясняющем связующем элементе можно поставить рядом его первый и последний фрагменты:

Ровно год назад мы Гомера читали, от стужи и метели спасались к доброму Василию в теплую избу. Как все переменялось с тех пор! (Т. Бок) [9. Л. 1].

У меня остались лишь поля, мой дорогой друг, поэтому я едва нахожу место, чтобы повторить тебе, что я очень тебя люблю и всем сердцем надеюсь, что ты тоже меня помнишь (Г. Эверс) [9. Л. 2 об.].

Для дерптской интеллигенции, которая активно интересовалась состоянием русской литературы и культуры, Жуковский в момент своего приезда был уже состоявшимся и признанным стихотворцем, за пле-

чами которого – участие в ополчении и авторство «Певца во стане русских воинов» (1812), балладное творчество и редактирование журнала «Вестник Европы». Прежде всего как поэта его и воспринимали гости Воейковых-Протасовых-Мойер, знакомя молодого автора с местной эстетической атмосферой и устанавливая и развивая дружеский диалог с ним посредством в том числе поэтического слова. Для обозначения характера определившихся на долгие годы отношений дерптцев к Жуковскому можно использовать строку из его же стихотворения «Цвет завета» (1819): «посол души, внимаемый душой» [1. Т. 2. С. 135]. Именно таким он был для них, человек чрезвычайной чуткости и отзывчивости, чья душа всецело воплощалась в его поэзии. Показателем, например, один фрагмент из письма А. Вейрауха от 16 ноября 1819 г.:

Будем ли мы, бедные обитатели Дерпта, иметь удовольствие видеть Вас среди нас к Рождеству, как Вы пообещали при отъезде? Вы являетесь всегда подобно комете, принося нам, бедным, холодным и темным планетам, новое тепло и новый свет. Приезжайте же согреть и просветить нас немного [10. Л. 2].

Доказывают это и разные формы взаимодействия лифляндцев с лирикой Жуковского, среди которых, например, романсы (19 текстов положены на музыку А. Вейраухом) и переводы (11 текстов переложены на немецкий К. Боргом). Показательны и взаимные стихотворные послания, среди которых известные, обращенные Жуковским к Л. Эверсу («Старцу Эверсу», 1815) и Т. Боку («Любезный друг, гусар и Бок!», 1816), и почти забытые, долгое время оставшиеся в немецких изданиях и архивах, например, послания К. Петерсена и М. Асмуса.

В конце 1814 г. А.И. Тургенев прочитал в присутствии членов царской семьи послание Жуковского «Императору Александру», в мае 1815 г. автор лично познакомился с императрицей Марией Федоровной, в 1816 г. Александру I представили первый том «Стихотворений Василия Жуковского», а в 1817 г. поэт получил приглашение на службу при дворе. Стремительное вхождение в высший свет тоже не могло остаться без внимания дерптской интеллигенции, но важность состояния Жуковского при императорской фамилии не заслонила поэта для его друзей, которые в своих письмах к нему сохранили нежную и сентиментальную расположенность тона и прибегали к его

новообретенному статусу спустя годы только в случае нужды. Так, А. Вейраух, всегда будучи в стесненных денежных обстоятельствах, в письме от 16 ноября 1819 г. спрашивает «дорогого друга» о возможном месте учителя принцессы Шарлотты, будущей императрицы Александры Федоровны:

Не желает ли она нанять немецкого чтеца подобно вдовствующей императрице, у которой для этой цели есть г-н Шторх? Если бы у меня было чем жить, чего я здесь не имею, я пренебрег бы всем остальным. В то же время я мог бы служить ей библиотекарем, если у нее еще нет такого. Но я покину Дерпт не менее, чем за тысячу рублей серебром. Кроме того, я мог бы, поскольку г-н Оман умирает, давать ее высочеству уроки клавирина при условии, что за них мне будут платить особо. Вы посмеетесь над этими химерами! Тем не менее, я осмеливаюсь говорить о них; я думаю не только об одном себе, я в долгу перед моей семьей, для которой я никогда ничего не делал; наконец, и удовольствие быть рядом с Вами! [10. Л. 1].

Жуковский, который с первого года пребывания в Дерпте ходатайствовал через А.И. Тургенева о помощи новообретенным друзьям и знакомцам, на несколько десятилетий станет маяком надежды для жены и дочери (крестницы поэта) Вейрауха, которые при жизни отца и после смерти буду поочередно писать ему с просьбами о денежной помощи, нередко упоминая при этом монаршие персоны:

Если бы я могла, благодаря Вашему любезному ходатайству, получить по милости ее величества императрицы хотя бы половину той пенсии, которую его величество покойный император Александр пожаловал моей матери и мне и которая, как Вы знаете, составляла *100 рублей серебром в месяц, подлежащих оплате в Риге*, у меня еще сохранился указ. Если этого хватало нам *двоим* – насколько же больше мне это нужно сегодня, когда нас *трое*, при том, что мне хотелось бы ничего не жалеть на образование своих дочерей, чтобы однажды дать им возможность содержать себя после моей смерти [11. Л. 4].

На второй год своего знакомства с Жуковским и по выходе двухтомного собрания его стихотворений учено-литературный круг Дерпта одарил его почетным дипломом доктора философии. Примечательны формулировки в обоснование присуждения этой степени: «является одним из первых поэтов России», «близко знаком с духом творчества лучших заграничных поэтов», «развитие духовной культуры внутри страны» [2. С. 170] – здесь

очевидна градация, в которой фигура русского стихотворца вырастает от индивидуального лирического творчества до значимой разнонаправленной поэтической деятельности в больших масштабах. Так официально Дерптский университет признал в Жуковском великого поэта, словно бы подтверждая благотворные впечатления, сложившиеся в дружеском литературном кругу.

Язык поэзии стал для дерптской интеллигенции важной формой понимания и принятия Жуковского и главным средством выражения своего к нему пиетета. К. Петерсен менее года спустя после знакомства с русским поэтом пишет к нему стихотворное послание, которое внешне должно было стать пожеланием-поздравлением ко дню рождения, а внутренне оказывается возвышенно-идиллическим изъяслением дружеских чувств. Сентиментально-романтическое признание в искренней душевной расположенности проявлялось ярко прежде всего в переписке Паррота, поэзия же служит дополнительной, но не менее важной формой выражения. Так, своеобразным предисловием-пояснением к характеру изложенного в стихотворении отношения можно использовать письмо, где его автор рефлексировал о природе дружбы, хотя оно и написано гораздо позже, но все же повторяет ранние дерптские мотивы:

Нет, конечно, я никогда на Вас не сердился. Но если бы я мог, то это было бы из-за Вашего последнего, очень короткого, письма, где Вы говорите мне о Вашей ко мне *почтительной* дружбе. Я ненавижу это противоречивое выражение; я хочу только дружбы, одной дружбы, чистой дружбы без всякой примеси. В ней, по крайней мере, позволено быть сторонником равенства и отказаться от препятствий, мешающих чувству. Если Вы меня не понимаете, дорогой Жуковский, если Вы хотите подтвердить это выражение, я воззову к Вашему будущему, когда Вы достигнете моих нынешних лет. Тогда Вы, верно, будете чувствовать себя как я и возненавидите все, что может напомнить дружбе о глупом уважении, охлаждающем чувство [12. Л. 3].

Небольшой торжественный экспромт служит и свидетельством той чрезвычайной расположенности, что питало к Жуковскому общество города, и иллюстрацией того характера связи, который между ними оформился. Стихотворение написано к 29 января 1816 г. и с первой же строки подходит к своеобразной человеческой аттестации

«благородного поэта Жуковского» («Dem edlen Dichter Joucofsky. Zum 29. Januar 1816»), которая не уместается в обычные рамки:

Wünsche? Ihm? dem alles Schöne
Frühlingsfrische Kränze reicht,
Dem die Grazie, die Kamöne
Ihre Blütenwange neigt, –
Dem die Götter schon hienieden
All' ihr Himmlisches geschenkt,
Als sie ihm den seel'gen Frieden
In die reine Brust gesenkt.
Eilt zurück auf bunten Schwingen,
Eitle Wünsche, nebelwärts!
Würid' ihm gern mein Bestes bringen,
Doch das hat er schon – mein Herz!
[13. S. 153].

Пожелания? Ему? К кому все прекрасные
Весенней свежести венки простираются,
К кому Грация, Камене
Свою цветущую щеку склоняет, –
Кому боги уже в этом мире
Все небесное даровали,
Как они благословенный покой
В его чистую грудь вложили.
Спешите обратно на разноцветных крыльях,
С суетными желаниями, навстречу туману!
Мне бы хотелось дать ему самое лучшее,
Но оно у него уже есть –
Мое сердце!

Образ Жуковского встраивается в координаты поэтической мифологии, которая задает два плана изображения. Первый, символический («die Grazie, die Kamöne»), прежде всего осмысляет его как принадлежащего к миру возвышенного и божественного, основанного на началах красоты и гармонии, при этом духовная соприродность подана не как что-то априорное и изначально присущее, но названа в качестве высшего признания и награды. Поэт здесь предстает как заслуженно обретший славу и благочестие среди равных. Другой план говорит о Жуковском как о земном поэте, обладающем высоким вдохновением, безусловно талантливым, способном безмятежно созидать

силой искусства и потому далекого от мира обыкновенного. Основная часть стихотворения взята в кольцо обращения, показывающего изменение интенции автора – от необходимости принести жизненное напутствие в его совершенном виде до осознания того, что идеальным даром на праздник рождения послужит абсолютная личная сопричастность («mein Herz»), уже исполненная.

На свой первый день рождения, проводимый в Дерпте, Жуковский получил стихотворное поздравление не только от К. Петерсена, но и от других лифляндских знакомцев, в частности, от М. Асмуса. Как установила М.Г. Салупере, этот педагог и поэт за почти тридцатилетний период дружбы с Жуковским адресовал ему пятнадцать писем-посланий, большинство из которых были стихотворные. С 1816 по 1819 г. Асмус создал пять лирических текстов, обращенных к другу-стихотворцу. Хотя первое из них сопровождает книжный подарок (экземпляр с дарственной надписью сохранился в библиотеке Жуковского) [14. С. 90], но его вполне можно рассматривать самостоятельно, поскольку оно в смысловом плане никак не подчинено этой функции сопутствия и имеет индивидуальное выражение:

Heut' ist der Tag, an dem mit Lust und Schmerzen
Das Mutterauge, betend, Dich erstrahlte,
Zum ersten Mal dein Bild sich darin malte,
Und sanft Du ruh'test an dem Mutterherzen.
Heut' leuchten Dir des holden Festes Kerzen,
Und was dem Mutterauge Dir entstrahlte,
Und was mit Rosen ihr die Wange malte;
Davon durchglüht sind Deiner Freunde Herzen [15. Л. 1].

Сегодня день, когда с радостью и болью
Материнское око, молясь, Тебе сияло,
Впервые Твой образ нарисовался в нем,
И нежно Ты отдыхал у материнского сердца.
Сегодня светят Тебе милого праздника свечи,
И то, что излучало Тебе материнское око,
И то, что розами красило ей щеку;
Этим светятся сердца Твоих друзей.

Совершенно очевидно, что Асмус задает религиозную канву поэтического осмысления, превращая день рождения в своеобразный

праздник Рождества, а образ адресата соотнося с Христом, что маркируется постоянством употребления личного местоимения с заглавной буквы («Du», «Dir»). При этом автор не делает благочестие главным планом изображения, а лишь использует его коннотации для представления второго значимого образа – матери, который вводится контрастными признаками. В результате торжество появления на свет превращается в прославление связи младенца и матери, которая сохраняется на протяжении всей жизни и особенно дает о себе знать именно в знаменательный момент. Асмус сакрализует нерасторжимое единство двух начал и обязательность присутствия одного в другом, однако, наделяя материнские черты, проявляющиеся в новорожденном, особыми свойствами, он не возводит их в ранг чистой святости, а делает проникнутыми высокими чувствами. То есть определяющими для него являются прежде всего состояние и ощущение человека, своеобразное возвышение души в миг особенной чуткости и нежности. Это такое возвышение, которое должно быть тонко воспринято и разделено с такой же чувствительной отзывчивостью.

Через год Асмус создает еще одно послание «возлюбленному другу на праздник рождения» («Dem geliebten Freunde zum Geburtstefeste am 29 Januar 1817»):

Millionen Millionen
Lieben auf dem Erdenball;
Und es spricht aus allen Liedern,
Wie sie liebend Lieb' erwidern;
Wie ein Hütten, so auf Thronen,
Liebe wohnt überall.
Dieses süßte Wonneleben
Rauscht im Laube, rauscht im Bach;
Flötet durch die Nacht der Haine;
Wirbelt über Feld und Raine;
Zieht durchs Herz mit sanftem Beben;
Redet noch in Weh und Aeh!
Darum preis' aus dem Gemüte
Jenen seligen Augenblick,
Der dem Schoße Dich entwunden,
Diesen Keim von allen Stunden:
Welche Knospen, welche Blüte,
Gab Dir dieser Augenblick!

Millionen Millionen
Lieben auf dem Erdenball;
Und es spricht aus allen Liedern
Wie sie liebend Lieb' erwidern;
Wie ein Hütten, so auf Thronen,
Liebe wohnt überall [15. Л. 3–3 об.].

Миллионы миллионов
Любят на земном шаре;
И об этом говорится во всех песнях,
Как они с любовью отвечают на любовь;
Как в хижинах, так и на тронах,
Любовь живет повсюду.
Это сладкое блаженство жизни
Шелестит в листве, шумит в ручье;
Играет на флейте сквозь ночь рощ;
Кружится над полями и склонами;
Проходит через сердце с мягким трепетом;
Произносит с болью и ах!
Потому возношу хвалу от души
Этому блаженному мигу,
Что отнял тебя из лона,
Этот росток всех времен:
Какие бутоны, какие цветы,
Подарил тебе этот момент!
Миллионы миллионов
Любят на земном шаре;
И об этом говорится во всех песнях,
Как они с любовью отвечают на любовь;
Как в хижинах, так и на тронах,
Любовь живет повсюду.

Стихотворение закономерно продолжает тему значительного и радостного момента появления на свет с интонацией своеобразного благословения, но здесь религиозная тональность практически не проявляется себя. Автор начинает с гиперболы, задающей одическую линию прославления героя. По всей видимости, Асмус в послании во многом опирается на стихотворения И. Фосса «Die Sterne» (1787). Об этом говорит не только утверждающее торжество сочетание «Millionen Millionen», связанное с мотивами рождения и материнской любви, но и логика всего поэтического изображения. Как и у Фосса, в стихотво-

рении Асмуса лейтмотивом сделано «süßte Wonneleben», которое расширяет пространство рефлексии до космического («Erdenball»), конструирует природную панораму и получает кульминацию в утверждении высокого вдохновения и упоения. Но если в «Die Sterne» хвала акту творения завершается славой демиургу, то в послании Жуковскому дана кольцевая композиция и в финале повторяется метафора, которая, во-первых, должна снова сказать адресату о всеобъемлющем, универсальном свойстве любви, им вызванной, а во-вторых, о том, что это чувство всех соединяет, объединяет и уравнивает.

В сентябре 1817 г. должна была состояться очередная поездка Жуковского в Дерпт, в ходе которой он хотел попрощаться с родными перед своим отправлением в Москву на службу при дворе в качестве учителя русского языка принцессы Шарлотты. И дерптцы находятся в его ожидании, которое тоже получает эстетическое выражение в виде поэтического послания. Асмус пишет стихотворение «горячо любимому другу Жуковскому» («24 September 1817. Dem sehr geliebten Freunde В. Ж.») накануне его приезда в город, и этот текст оказывается ярким и выразительным лирическим откровением, тесно связанным с немецкой романтической традицией. Автор превращает личное и конкретное чувство, рожденное моментом скорой встречи с другом, в целое мироощущение, где главное – тоска по идеалу:

Kaum fünfzehn Jahr fühlt' ich ein Heimlich Sehnen,
Es zog mir wunderbar zu blauen Augen,
Und so wie Bienen aus den Blumensaugen,
So schlürft ich Himmelslust aus süßen Blicken:
Nichts konnte mir das junge Herz erquicken
Als dieses ewig rege, süße Sehnen.
Dies Sehnen ist mir immer true geblieben,
Und hat mich bass erfreuet und gequälet.
Doch war von ihm manch Andres Ziel erwählet:
Bald zog's mich fern zu meiner Jugend Auen,
Bald zu den Füßen liebereicher Frauen,
Und wie es zog, so zog es mich zum Lieben.
Jüngst fühlt' ich seine Macht ohn' Unterlassen;
Zu Dir zog's mich, zu Dir dem Vielgetreuen,
Nur sehen Dich, das sollte mich erfreuen!
Die Hoffnung nahte stets mit süßen Bildern,
Der Sehnsucht hehre Macht konnt'sie nicht mildern,
Sie zieht und quält mich noch ohn' Unterlassen [15. J. 4].

Почти пятнадцать лет я чувствовал тайную тоску,
Она чудесно влекла меня к голубым глазам,
И как пчелы от глаз цветов,
Так я пью небесное наслаждение от милых взглядов:
Ничто не могло успокоить мое юное сердце,
Кроме этой вечно живой, сладкой тоски.
Эта тоска всегда оставалась мне верной,
И она одновременно радовала и мучила меня.
Но им были выбраны другие направления:
То меня тянуло далеко к лугам моей юности,
То к ногам любящих женщин,
И если оно влекло, так влекло меня к любви.
Недавно я ощутил его силу без остатка;
Меня влекло к Тебе, к Тебе многоверному,
Лишь увидеть Тебя – вот что должно радовать меня!
Надежда всегда приближалась сладостными образами,
Лелеемая сила тоски не могла смягчить ее,
Она по-прежнему тянет и мучает меня без конца.

Тоска по прекрасному как форма выражения настроения определена ситуацией ожидания встречи, что задает план предвкушения и предвосхищения. Лирический герой встраивает текущее чувство в предшествующую историю своих переживаний и находит ему в этой галерее два верных соответствия. Тоска по другу входит в один ряд с неизвестными чаяниями юных лет, надеждой будущего, и любовью, даже страстью. Таким сравнением автор рисует силу и действие испытываемого им чувства, считая его тоже своеобразной эпохой личного эмоционального мира. Сама тоска, как и в изображении романтиков, обладает двойственностью, имеет неодолимую власть, требует насыщения. Образ Жуковского в стихотворении Асмуса не имеет четкости исполнения, это «Du» (Ты – снова с заглавной буквы), являясь адресатом, лишено самостоятельности и полностью погружено в рефлексивную «ich» (я), которое, однако, все же дает некоторое, вполне закономерное представление о предмете своего чувствования: прекрасное и дорогое, дарующее радость и спокойствие.

Последнее стихотворение 1817 г. было написано Асмусом при пересылке «новогоднего подарка для дам» («An Schukovsski, bei Übersendung des Neujahrgebändes für Damen auf 1818. Den 13. Dezember 1817») – календаря на будущий год, содержащего произведения дерптских поэтов.

Die Phantasie macht alles lind,
Laß walten diese Zauberin,
Und gieb dich ihren Spielen hin;
Ein ew'ger Frühling sie umweht,
Und Blumen sprießen wo sie geht.
Drum laß sie walten Nacht und Tag,
So wie sie eben walten mag,
Und folge ihr auf Schritt und Tritt,
Und wo sie wandelt, wandle mich.
Und was dich entzückt,
Das werde gepflückt,
Und was du gefunden,
Zum Kranze verbunden [16. Bl. 21].

Воображение все успокаивает,
Пусть властвует эта волшебница,
И предайтесь ее играм;
Вокруг нее веет вечная весна,
И цветы прорастают там, где она идет.
Поэтому пусть она царствует ночь и день,
Как бы она ни хотела,
И следуй за ней на каждом шагу,
И куда бы она ни пошла, проведи меня.
И что тебя восхитит,
То будет собрано,
И что ты найдешь,
То свяжется венком.

Представленный фрагмент ярко отражает основное содержание большого послания (42 стиха), которое определенно навеяно сборником новелл Л. Лика «Фантазус» (1811), а более всего первым его текстом – «Белокурым Экбертом». Этот прозаический цикл был Жуковскому хорошо знаком, он еще в начале года упоминает его как источник для переводов немецких сочинений¹. Рассчитывая на узнавае-

¹ Задумывая выпустить «собрание переводов из образцовых немецких писателей», Жуковский писал о своих планах Д.В. Дашкову в январе 1817 г.: «Тик: Из Фантазуса. Elfen. Der Pokal. Liebeszauber. Der blonde Ecbert. Из Штернбальда» [1. Т. 15. С. 519].

мость, Асмус пользуется одним из центральных мотивов «Фантазуса»¹, связанным с уединением в лесу, в котором скрыто нечто чудесное. Воображение в выражении автора и в потенциальном понимании Жуковского здесь, конечно, это не только и не столько простое бегство любого человека от обыденного и повседневного в мир грез, но в том числе и более всего живое творческое вдохновение, фантазия художника. Именно силу поэтического воображения воссоздает Асмус, демонстрируя с помощью темы вечной весны особое состояние мира и особую же связь между творцом и «богиней Фантазией» – стихотворение, посвященное такому образу, Жуковский создал еще в 1809 г., переведя «*Meine Göttin*» И.В. Гёте. Автор показывает исключительные способности поэтического дара, которые могут преобразовать действительность, создавая в ней то, чего нет или совсем не может быть. И воображение выступает в роли утешителя, который должен принести своему обладателю гармонию и тишину – в этих смыслах можно видеть намек Асмуса на жизненные трудности самого Жуковского. Хотя поэт с самого начала скрывал от дерптских друзей драматичную историю своих чувств к Маше Протасовой, все же были часы, когда «сердце доверительно раскрывалось». Не случайно К. Петерсен писал Жуковскому, намекая на его сердечную тайну, что было совершенно неожиданно для адресата: «*Mir hättest du dein Innerstes aufschließen können. Heilig wäre mir dein Geheimnis gewesen und mir die Kenntniss desselben für dich, für euch nützlich*»² [1. Т. 15. С. 460].

Последнее в указанный период послание к Жуковскому Асмус написал в феврале 1819 г., вновь ожидая приезда поэта в Дерпт. Предвкушение встречи, как и прежде, воплощается в глубокое личное чувство, раскрывающее природу авторского отношения к предмету лирической рефлексии:

Ist dir nicht das Ihr erklungen,
Und erklingt noch fort und fort?
Denn, es ist manch trauter Wort
Dir geredet, Dir gesungen.

¹ См. о развитии этого мотива в поздних письмах Асмуса к Жуковскому: [5. С. 443–444].

² «Мне мог бы ты открыть душу свою. Тайна твоя была бы мне свята, для меня же знание ее полезным для тебя, для вас <обоих>».

Tief im Herzen ist's entsprungen,
Denn die Liebe wohnt dort;
Herz ist stets der Liebe Hort,
Und es ist von ihr durchdrängen.
Heute muß Du wahrlich kommen,
Denn es will die Hoffnung scheiden,
Und der Wunsch will ewig leben.
Laß nicht, was in Lieb entflammen,
Hoffnungslosen Tod erleiden,
Komm, das Leben ihm zu geben [16. Bl. 23].

Разве это не прозвучало для Вас,
И звучит все дальше и дальше?
Ибо несколько верных слов
Тебе сказаны, воспеты Тебе.
В глубине сердца оно возникло,
Потому что там обитает любовь;
Сердце всегда принадлежит любви,
И оно пронизано ею.
Сегодня Ты действительно должен прийти,
Потому оно хочет разделить надежду,
И желание хочет жить вечно.
Не позволяй тому, что разгорается в любви,
Безнадежной смертью страдать,
Приди, чтобы дать ему жизнь.

В этом случае Асмус делает Жуковского объектом восприятия дружеского чувства, тесно сопряженного с любовью как главной жизненной силой. Дружеская приязнь представлена в виде сокровенного внутреннего переживания, ждущего отклик на свой направленный порыв. Стихотворение отличается насыщенной сентиментальностью, которая развивается за счет явных и подразумеваемых контрастов жизнь/смерть, отклик/забвение, радость/страдание, вечность/конечность, преимущественным же делается мотив, тоже полярный, задающий остроту всей рефлексии: исход ожидания в долгожданной счастливой встрече или продолжение тягостной разлуки. Перед воспринимающим образом Жуковского поставлена задача разрешить мучительную ситуацию в заданном с помощью темы любви направлении.

Конечно, нельзя не заметить ту линию развития, которое проходит лирическое чувство в посланиях Асмуса от первого к последнему тексту. Это траектория движения состоит не столько во внутренней эволюции и изменении, сколько в расширении и наполнении. Образ Жуковского получает все большую объемность, и дело здесь не в обретении им осязаемости, а в укрупнении его значения. Сфера эстетизации поэта разрастается в масштабах, авторское «я» увеличивает пределы рефлексии, куда вовлекается и главный объект. В результате этого Жуковский предстает в поэтической картине сначала как человек, обладающий божественным (возвышенным, идеальным, нерукотворным) даром души, а затем рядом с этим свойством проявляется наличие в нем глубоко природных черт, то есть поэтическое как изначально присущее и непосредственно связывающее с живым миром. При этом оба признака – высокий дар и природная сила – открываются и познаются именно в дружеском чувстве, равном любви.

Поэзия как способ осуществления диалога и средство восприятия Жуковского дерптским сообществом ярко проявила себя и в переводах. Как уже упоминалось выше, К. Борг переложил на немецкий язык 11 текстов Жуковского, они вошли в состав изданных им «Поэтических произведений русских» («Poetische Erzeugnisse der Russen») – двухтомной антологии российской поэзии XVIII–XIX вв. (32 автора), а также народных песен. В это грандиозное собрание из творчества Жуковского были включены лирические опыты разных жанров:

Первый том антологии вышел уже в 1820 г. и был посвящен воспитаннице поэта: «*Ihrer Kaiserlichen Hoheit, der Frau Großfürstinn Alexandra Feodorowna*». В предисловии к изданию Борг говорил о том, что его переводческие опыты («Der Versuch») родились в узком кругу и не предназначались для публикации, появление же их в печати обусловлено прежде всего желанием познакомить читателей с «во многом удивительными произведениями русского народа» и тем «доставить удовольствие» («Freude machen») [18. Bd. 2. S. VII]. Оговорив не слишком строгое соответствие избранных текстов выделенным жанровым разделам, Борг более всего настаивал на многосторонней точности воспроизведения источника: «Моим главным желанием была верность. Я старался как можно точнее воспроизвести не только содержание, но и стихотворный размер, убежденный, что это помогает

определить впечатление от целого» [18. S. VIII]. Вопрос своеобразия немецкого перевода 11 стихотворений Жуковского в антологии должен быть предметом обстоятельного анализа в отдельной статье, однако важно отметить уже сам состав, который издателем никак не объяснен, но который очевидно имеет внутренний смысл.

	Том 1	Том 2	
Оды и дидактические стихотворения	«Der Sänger im Russischen Kriegslager» («Певец во стане русских воинов») «Theon und Aeschines» («Теон и Эсхин»)	«Die zwölf schlafenden Jungfrauen» («Двенадцать спящих дев»)	Сказки
Песни и романсы	«Der Schiffer» («Пловец») «Leichtes, leichtes Lüftchen, sprich!» («Легкий, легкий ветерок») Der Sänger («Певец»)	«An Nina» («К Нине»)	Послания
Баллады	«Die Aeolsharfe» («Эолова арфа») «Klara» («Светлана»)	«An Ewers den Greis» («Старцу Эверсу»)	
Разные стихи	«Der Abend» («Вечер»)		

В каждом из двух томов творчество поэта открывается объемным произведением лиро-эпического жанра на историческую тему и народный мотив, что, вероятно, должно было охарактеризовать автора в первую очередь как поэта, органично связанного своим творчеством

с национальной культурой. В первом томе античный колорит элегии подхватывает эпическое течение и направляет его в нравственно-философское русло, которое далее через объединение трех пейзажно-музыкальных стихотворений Жуковского отмечало эстетическую изобразительность его лирики с сильным рефлексивным началом. Особо выделяя романтическое (любовное) и живописное, баллады и элегия соответственно завершают репрезентацию поэтического мира. Во втором томе балладное повествование в древнерусском колорите резко переходит в форму послания с важнейшими акцентами на любовное и дружеское чувства.

Нельзя считать случайным заключение поэзии Жуковского в антологии стихотворением «Старцу Эверсу» (1815). Финальный аккорд получил совершенно определенное дерптское звучание, воспроизводившее ключевую для Борга тему пребывания поэта в лифляндском городе, а именно особый вид дружеского единения, которое поэт в письме к А.П. Елагиной назовет «братством». Для Жуковского знакомство с Лоренцом Эверсом, «осмидесятилетним стариком», профессором теологии и обоюдное признание в братских чувствах на студенческом празднике¹ будут свидетельством чрезвычайного душевного откровения («священное мгновенье»), а само стихотворение, поэтически воспроизводящее сюжет и впечатление знаменательной встречи («...прекрасный миг, / Величием души запечатленный»), станет эстетическим фактом не только горячего отклика на предьявленную приязнь, но и направленного чрезвычайного расположения к русскому поэту («с отеческим мне счастья желаньем», «для тебя я был пришлец мгновенный», «с нежностью меня благословил») [1. Т. 2. С. 14]. Интересно, что Борг в перевод не включает примечание, с которым послание впервые было напечатано: «Писано после праздника, данного студентами Дерптского университета» [1. Т. 2. С. 433]. Вероятно, в таком уточнении дружеский круг не нуждался, не только узна-

¹ «На празднике студентов, на который был приглашен и я, он вздумал со мной пить *братство*. Это меня тронуло до глубины души; и было очень кстати. Мой добрый шептун принял образ добродетельного старика и утешил меня в этом виде! Правда ненадолго – но и та минута была не пропавшая. Я от всей души поцеловал *братскую* руку» [1. Т. 15. С. 402].

вая в поэтической картине памятное для многих событие, но и понимая, что Жуковский здесь говорит о ясном и естественном для каждого участника дерптского сообщества духе единения и общности.

Еще одним важным «документом» антологии является «биографическая и литературно-историческая заметка» Борга о Жуковском, помещенная в ряду других в приложении ко второму тому. Давая очень краткий обзор его жизни до 1820 г. и упоминая в том числе проведенное им «некоторое время в Дерпте», издатель и переводчик особо останавливается на характеристике «национального поэта» («Lieblingsdichter der Nation»). Борг приводит в качестве конкретного и предметного подтверждения поэтической деятельности Жуковского недавнее издание его сочинений и перечисляет вошедшие в него жанровые разновидности лирики и «прозаические очерки». Далее следует цельный портрет, в котором важнейший аспект связан с нравственно-психологическим качеством лирического выражения:

Жуковский, безусловно, один из самых выдающихся поэтов России. Известная романтически-идеальная направленность духа и горячее увлечение всем нравственно высоким и прекрасным – дружбой, верой, любовью и патриотизмом – вот те качества, которые наиболее точно характеризуют его произведения с точки зрения содержания. Поэтому он преуспевает в написании лирических стихов, романсов и баллад. Выражение его короткое, смелое, твердое и сильное; его стихи обычно чрезвычайно гармоничны. Он с большим успехом воссоздал несколько немецких стихотворений; вскоре появится его перевод «Орлеанской девы» Шиллера [18. S. 410].

Идеальность и гармония, нравственность и красота – эти свойства, взятые в синтезе и взаимодействии, являются для Борга определяющими в эстетическом облике Жуковского, они же стали значимыми в установлении его репутации глазами дерптских знакомцев в 1815 г., словно предвосхищая формулу «Жизнь и Поэзия – одно». При этом Боргу нужно отметить успех переводных опытов поэта, которые не просто выходят за рамки цельного и состоявшегося творчества, но продолжают его, существуя именно в качестве собственного переложения оригинала («nachbilden»). Ход изложения главных сведений о Жуковском у Борга исполнен в той же градации, что явно проявилась в университетском представлении его

к докторскому диплому: от внутренних свойств лирики к характеристике форм и выходу в широкое поле деятельности.

Таким образом, творческая личность Жуковского в первое пятилетие его пребывания в Дерпте стала предметом живой рефлексии в кругу местной интеллигенции. Поэт органично вошел в общество ученых и литераторов, которое свой диалог с ним вело во многом посредством языка поэзии – как в самой форме, так и в содержании (образы, мотивы), при этом чувствуется естественная связь этой лирической рефлексии с немецкой литературой, родственной дерптской интеллектуальной среде, которая стала органичным материалом взаимодействия. Письма и лирические послания, исполненные сентиментально-романтических откровений, переводы и биографические сведения, акцентирующие высокое нравственно-эстетическое свойство поэта и его творчества, создают возвышенно-идеальный образ человека в направленном движении и окружении интимного дружеского чувства.

Список источников

1. *Жуковский В.А.* Полное собрание сочинений и писем : В 20 т. М. : ЯСК, 1999–2019. Т. 1–16. Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2024. Т. 17.
2. *Исаков С.Г.* В.А. Жуковский и Тартуский университет // Tartu Ülikooli ajaloo küsimusi (Вопросы истории Тартуского университета). Тарту : Tartu Ülikooli, 1983. Вып. 13. С. 164–174.
3. Архив братьев Тургеневых. СПб. : Типография Императорской Академии наук, 1913. Вып. 3. 500 с.
4. Wasily Andrejewitsch Joukoffsky. Ein Russisches Dichterleben. Mitau : E. Behre, 1870. 240 s.
5. *Салунере М.Г.* Забытые друзья Жуковского // Жуковский и русская культура. Л. : Наука, 1987. С. 431–454.
6. РО ИРЛИ. № 29431. Л. 3–4 об.
7. РО ИРЛИ. № 29429. Л. 2–3 об.
8. РО ИРЛИ. № 28195. Л. 8.
9. НИОР РГБ. Ф. 104. Карт. 6. № 58. Л. 1–2 об.
10. НИОР РГБ. Ф. 104. Карт. 6. № 61. Л. 1–2.
11. РО ИРЛИ. № 27952. Л. 3–4 об.
12. РО ИРЛИ. № 28195. Л. 3–4.
13. *Petersen K.* Poetischer Nachlass. Manuscript für seine Freunde. Cöln : Nikolai Eduard Frantzen, 1846. 165 s.

14. Библиотека В.А. Жуковского: Описание / сост. В.В. Лобанов. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1981. 418 с.
15. ОР РНБ. Ф. 286. Оп. 2. № 246. Л. 1–8.
16. TÜR käsikirjakogu. F. 12. № 18. Bl. 1–36.
17. *Borg K.F. v. d. Poetische Erzeugnisse der Russen. Ein Versuch.* Dorpat : Hartmann, 1820. Bd. 1. XVI+354 s.
18. *Borg K.F. v. d. Poetische Erzeugnisse der Russen. Ein Versuch.* Riga, Dorpat : Hartmann, 1823. Bd. 2. XIV+415 s.

References

1. Zhukovskiy, V.A. (2024) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: V 20 t.* [Complete Works and Letters: In 20 Vols]. Vol. 17. Tomsk: Tomsk State University.
2. Isakov, S.G. (1983) V.A. Zhukovskiy i Tartuskij universitet [V.A. Zhukovsky and the University of Tartu]. *Tartu Ülikooli ajaloo küsimusi*. 13. pp. 164–174.
3. Tarasov, E.I. (ed.) (1913) *Arkhiv brat'ev Turgenyevykh* [The Archive of the Turgenyev Brothers]. Vol. 3. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.
4. Seidlitz, K. von (1870) *Wasily Andrejewitsch Joukoffsky. Ein Russisches Dichterleben*. Mitau: E. Behre.
5. Salupere, M.G. (1987) Zabytye druz'ya Zhukovskogo [Zhukovsky's Forgotten Friends]. In: Iezuitova, R.V. (ed.) *Zhukovskiy i russkaya kul'tura* [Zhukovsky and Russian Culture]. Leningrad: Nauka. pp. 431–454.
6. The Manuscript Department of the Institute of Russian Literature. No. 29431. pp. 3–4 ob.
7. The Manuscript Department of the Institute of Russian Literature. No. 29429. pp. 2–3 ob.
8. The Manuscript Department of the Institute of Russian Literature. No. 28195. p. 8.
9. The Research Department of Manuscripts of the Russian State Library. Fund 104. Box 6. No. 58. pp. 1–2 ob.
10. The Research Department of Manuscripts of the Russian State Library. Fund 104. Box 6. No. 61. pp. 1–2.
11. The Manuscript Department of the Institute of Russian Literature. No. 27952. pp. 3–4 ob.
12. The Manuscript Department of the Institute of Russian Literature. No. 28195. pp. 3–4.
13. Petersen, K. (1846) *Poetischer Nachlass. Manuscript für seine Freunde*. Cöln: Nikolai Eduard Frantzen.
14. Lobanov, V.V. (ed.) (1981) *Biblioteka V.A. Zhukovskogo: Opisanie* [V.A. Zhukovsky's Library: Description]. Tomsk: Tomsk State University.
15. The Manuscript Department of the Russian National Library. Fund 286. List 2. No. 246. pp. 1–8.
16. TÜR käsikirjakogu. Fund 12. No. 18. Bl. 1–36.

17. von der Borg, C.F. (1820) *Poetische Erzeugnisse der Russen. Ein Versuch*. Bd. 1. Dorpat: Hartmann.

18. von der Borg, C.F. (1823) *Poetische Erzeugnisse der Russen. Ein Versuch*. Bd. 2. Dorpat: Hartmann.

Информация об авторе:

Волков И.О. – д-р филол. наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: wolkoviv@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

I.O. Volkov, Dr. Sci. (Philology), associate professor, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: wolkoviv@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

Статья принята к публикации 17.11.2024.

The article was accepted for publication 17.11.2024.